

Плейлист

NF — Paralyzed
Kaleo — Save Yourself
NF — Remember This
НЮ — Мало
Kaleo — Way Down We Go
Freya Ridings — Elephant
Noah Cyrus feat. Gallant — Mad at You
Ramil' — Сияй
Raining Jane — Love Is a Battlefield
НЮ — Белые ночи

Глава 1

POV: Алена

— Нет, я не могу, — отвечаю шепотом, крепко сжимая телефон и прикрывая ладонью рот в страхе, что взрослые могут услышать.

— Алена, ты — моя последняя надежда. Обещаю, ничего плохого не случится, — из динамика доносится капризный голос брата. — Просто принеси деньги, а отцу я сам все объясню. Если придется.

— Леша... — Мне не хватает цензурных слов, чтобы выразить все, что я о нем думаю. — Приезжай домой и бери все, что хочешь.

— Не вариант, меня крепко взяли за яйца. Алена, если не поможешь, то с завтрашнего дня меня начнут присылать домой по частям. Ты этого хочешь?

Нет. Конечно, нет. Я не желаю брату зла. Пусть близкими родственниками нас можно назвать с большой натяжкой, так было не всегда. Черт! То, что он мне предлагает сделать — почти самоубийство. Если дядя Слава или тетя Рита меня поймают... даже думать боюсь о том, что может произойти. Лето на исходе, осталось всего две недели до возвращения в колледж. Неужели Лешка не мог провести эти дни спокойно?

— Алена! — требовательно зовет брат. — Деньги лежат в гостиной за стеклянной вазой. Это отцовская

заначка на приبلуды для рыбалки, и он еще не скоро решит ее проверить. Тихонько возьми деньги и привези мне на заброшку, а через пару дней я все туда верну.

Смотрю в темноту комнаты, не решаясь согласиться. Почему я? Почему всегда я?!

— Слушай... — интонация брата меняется в один миг, ледяные мурашки пронзают кожу, — я ведь по-хорошему прошу, а могу и по-плохому.

Может. Не сомневаюсь. В этом доме все всё могут, но только не я.

— Хорошо, — произношу сквозь колючий ком, застрявший в горле.

— Супер! — радостно вскрикивает Леша. — И поторопись, а то... ну, мало ли.

Мое безмолвное смирение завершает разговор. Даю себе минуту, чтобы выдохнуть и собраться с силами, и поднимаюсь на ноги. Быстро собираю длинные волосы в хвост, натягиваю черную толстовку и прячу голову под капюшоном. Заброшка не самое приятное место в нашем городе. В основном там тусуют ребята из «Волков», а с ними лучше не связываться. Волковский колледж — местная социальная помойка, где учатся сироты и дети, от которых отказались родители, а еще «золотые детки», отправленные на перевоспитание. Одним словом, сборище бывших, будущих и настоящих преступников, на которых по какой-то причине не удалось завести уголовные дела и упрятать за решетку.

Встряхиваю головой, проясняя мысли. Сколько раз меня пугали, что переведут к «Волкам», — не счесть, а теперь я должна сама подставиться под удар, только потому что у братца напрочь отшибло мозги с этими дурацкими играми.

«Спасибо, Леша»...

Спускаюсь по лестнице, по памяти выбирая «тихие» ступеньки. Дядя не любит, если в доме шумно после десяти вечера. Он вообще много чего не любит, и я занимаю в этом списке почетное первое место. Свет уличного фонаря пробивается сквозь тонкую вуаль декоративных штор — вижу цель. На средней полке шкафа стоит хрустальная ваза, а за ней темный конверт. Хранить записку в таком месте — не лучшая идея, а мой дядя не настолько глуп. Вероятнее всего, это очередная издевательская проверка, и я бы сама никогда не взяла оттуда деньги, хоть не стану врать, желание было. Трудно назвать это место домом, а людей, что здесь живут, — семьей. Я мечтаю избавиться от них, но боюсь, что, если попытаюсь, все может стать еще хуже. Сердце замирает, когда рука медленно поднимается вверх, касаюсь кончиками пальцев плотного картона...

— Кто там? Леша, это ты? — звучит приглушенный голос тети Риты.

Я готова раствориться, упасть на пол и умереть прямо сейчас. Слух улавливает тихие шаги по деревянному полу второго этажа, и кровь холодеет от ужаса.

— Это я, — отвечаю, не двигаясь с места. — Спустилась попить воды.

Шаги прекращаются, но я все еще не могу вдохнуть.

— А что, в ванной наверху отключили воду? — недовольно бросает тетя.

— Не хотела там шуметь.

— Но ты и здесь умудрилась.

— Простите.

— Пей и возвращайся в комнату, — приказывает она, и через пару мгновений дверь в ее спальню мягко закрывается.

Резко втягиваю носом воздух, наполняя легкие. Чуть не попалась! Решаю больше не затягивать с делом и быстро вынимаю деньги из конверта. Прячу ровную стопку купюр в карман спортивных штанов, возвращаю конверт на место и на носочках крадусь к входной двери.

«Леша, Леша... И за что ты меня так ненавидишь?»

Ночной город очарователен в своем темном умиротворении, но чем ближе я к заброшке, тем меньше спокойствия остается в душе. Таксист косится на меня через зеркало заднего вида, презрительно цокая языком, а я старательно прячу лицо под капюшоном, глядя в окно. Мимо проносятся старые здания заброшенного промышленного комплекса: металлические склады, ангары и хозяйственные постройки из полуразвалившегося кирпича. Стены разрисованы граффити, кричащие надписи гласят, что их создатели плевать хотели на систему и правила. Ну еще бы...

Машина останавливается у ржавых сетчатых ворот. Освещения нет, вокруг непроглядная тьма, но даже через закрытые окна и двери автомобиля слышен гудящий шум музыки и развязные крики молодежи, говорящие о том, что это место отнюдь не пустует. Набираю номер Леша и прижимаю телефон к уху. Водитель нетерпеливо стучит пальцами по рулю, ведь в заказе указаны две точки, то есть поездка туда и обратно.

— Привезла? — отвечает на звонок брат.

— Да. Жду у ворот.

— В смысле? Заходи. Я под навесом с левой стороны.

— Я не собираюсь заходить. Забери деньги, и я поеду домой.

— Алена, блин, не беси меня! Сказал — зайди!

Его слова, точно удар ремнем по спине, обжигают и заставляют вспомнить, кто я такая.

— Давай быстрее! — рывкает Леша и кладет трубку.

— Можете подождать пять минут, пожалуйста? — обращаюсь я к водителю.

— Нет, — грубо отвечает мужчина.

— Я оплачу время ожидания.

— Все равно нет! Хочешь, чтобы твои дружки мне машину разбили? Знаю я ваших «Волков». Давай половину оплаты и вылезай.

И как после такого можно верить в удачу? Она ни разу не улыбалась мне за последние восемнадцать лет, а я даже не знаю, где так сильно успела облажаться, чтобы заслужить подобное. Может быть, в прошлой жизни?

Медленно ступаю по примятой траве, пытаюсь разглядеть дорогу. За спиной раздается рев мотора, звучащий для меня как хлопок крышки гроба. Мне не приходилось бывать здесь раньше, но об этом месте гуляет множество историй, ни одна из которых не закончилась хорошо. Замечаю слева тусклое свечение переносных ламп и на его фоне три темные фигуры. Улавливаю знакомые дерзкие нотки, принадлежащие голосу брата, и сворачиваю с тропинки, сжимая руки в кулаки, спрятанные в карманах толстовки.

— Ну наконец-то! — кричит Леша, шагая навстречу. — Ты на пешкарусе добиралась, что ли?

Брат подступает ближе, а вместе с ним и запах крепкого алкоголя, который с такой силой бьет в нос, что с трудом удается устоять на ногах. Непослушными пальцами достаю деньги и протягиваю Леше. Тени пляшут на его круглом лице, превращая довольную улыбку в зловещий оскал.

— Спасибо, сестренка. Выручила, — говорит он, бегло пересчитывая купюры.

Молча киваю и уже собираюсь уйти, но Леша ловит меня в полуобороте и обнимает за плечи, стискивая до боли кожу:

— Эй! Куда это ты собралась?

— Мне нельзя здесь находиться, — тихо отвечаю я, понимая, что его дружки внимательно нас слушают.

— Если со мной, то можно. Я ведь должен вывести сестренку в общество, а то сидишь дома, как затворница. Давай я тебя с пацанами познакомлю!

Пытаюсь аккуратно вывернуться из его объятий, но брат только усиливает хватку.

— Не надо... — прошу я.

— Хочешь обидеть моих друзей? — злобно говорит Леша, наклоняясь к моему уху.

— Нет.

— Вот и договорились.

Следующие несколько минут провожу в компании едкого сигаретного дыма, неприлично громкого смеха и оценивающих мутных взглядов Лешиних друзей, от глупых шуток которых меня уже начинает натурально мутить. На вид им, как и Леше, лет двенадцать, но вот по манере общения будто четырнадцать. Грубые словечки, рассказы о сомнительных достижениях, наплевательские отношения к моральным устоям.

— Сестренка у тебя ничего, Лех, только невеселая какая-то. Может, ей нужно выпить, чтобы расслабилась?

Парень, представленный мне как Бур, делает затяжной глоток из банки и протягивает ее мне, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Тебе повезло, Аленка, я не жадный, — говорит он, опуская взгляд на уровень моей груди.

— Нет. Спасибо, — отвечаю я, чувствуя, как дрожат онемевшие губы.

— Чего-чего? — переспрашивает Бур, поморщившись.

С вежливостью и приличиями эти парни точно не знакомы. Лучшая защита, в моем случае, — не привлекать лишнего внимания и делать, что говорят, пока не представится возможности сбежать. Беру в руки холодную жестянку и говорю немного громче:

— Спасибо. То, что нужно.

— Вот это я понимаю, — радостно произносит Леша, хлопая меня по спине. — Отрывайся, Ален. Разрешаю.

Выдавливаю слабую улыбку и делаю крошечный глоток кислого напитка, пересиливая желание тут же его выплюнуть и броситься на поиски зубной пасты. Возвращаю банку Буру под одобрительным взглядом Леши и тихо спрашиваю, пользуясь минутой его хорошего настроения:

— Я думала, тебе срочно нужно вернуть долг.

— Есть идея получше, — ухмыляется Леша, игриво дернув широкими светлыми бровями. — Не знал, что у бати припрятана такая хорошая сумма. Я смогу отыграться, мы даже в плюсе останемся. Тебе перепадет, если будешь хорошо себя вести.

До этого момента мне казалось, что хуже быть не может, но, похоже, ад только начинается. Неподдалеку звучит залиvistый женский хохот, и я машинально опускаю голову, чтобы остаться незамеченной. Леша и его друзья вмиг замолкают, напряжение сгущает прохладный ночной воздух, и перед моими глазами на темной примятой траве появляются женские белые кроссовки и три пары мужских.

— Гони бабки, малой, — произносит грубый голос, но по насмешливым искоркам в интонации можно догадаться, что парень больше забавляется, чем пытается напугать.

— Я хочу отыграться, — смело заявляет Леша.

Прибывшая компания взрывается смехом, они явно не воспринимают брата всерьез. *Боже, прошу, пусть Леша просто отдаст деньги, и мы уйдем. Пожалуйста! Если меня хоть кто-нибудь слышит там, наверху!*

— Мнац, я серьезно. Дай мне шанс, — настаивает Леша.

— Серьезно? — переспрашивает парень, названный Мнацем.

— Да. Сыграем еще один раз.

— Серьезность и ты — две несовместимые вещи, малой. Я что-то не понял, чего ты такой дерзкий стал?

Грудную клетку сдавливает животный страх. Смотрю в землю и чувствую, как чей-то прямой взгляд прожигает мне череп. Только не это, не надо. Меня здесь нет. Меня нет!

— А-а-а... — иронично тянет Мнац. — Ты привел группу поддержки? Перед девчонкой хочешь выпендриться? Тогда ты выбрал неудачного соперника.

— Я хочу сыграть еще раз! Сразу ва-банк! — распекаясь, рычит Леша.

— Не интересно. Я сегодня не настроен на игры, малой... хотя...

Сердце замирает, а интуиция машет красным флагом. Делаю крошечный шаг назад, прикидывая варианты для побега.

— Выкладывай условия, Мнац. Я согласен на все!

— Знаешь, что я не люблю больше всего? Дешевых понтов, малой, — стреляет высокомерием Мнац. — Но раз ты так просишь, то преподам тебе еще один урок. Фарт — штука непредсказуемая. Мы уже убедились, кто из нас любимчик удачи, но если ты хочешь отыграться, то пусть соревнуются наши девчонки. Это будет честно.

Делаю еще один шаг, отступая, но Леша хватается за руку.

— Идет! — выплевывает он, до хруста сжимая мои пальцы.

— Леша, — в панике шепчу я. — Нет, я не буду. Я...

— Заткнись! — перебивает он, поворачиваясь ко мне, и продолжает на порядок тише: — Ты сделаешь все, что я скажу, иначе отец сегодня же узнает, кто взял деньги из его закладки. Угадай, кому он поверит? Родному сыну или подкидышу, от которого одни проблемы?

На его лице маска из отвращения и безумного азарта, большие светло-карие глаза, так похожие на дядиных, не оставляют и шанса на сопротивление.

— Что-то не так? — саркастично интересуется Мнац.

— Все в порядке. Мы играем, — твердо заявляет Леша и утягивает меня за собой к двухэтажному зданию, в нижнем ряду окон которого виднеются тусклые проблески света.

Проходим через железную дверь в просторный зал, деревянные половицы, устеленные пыльными коврами, трещат под ногами. В помещении пахнет сыростью и сигаретным дымом, звучат десятки веселых голосов и музыкальные биты.

— Короче, слушай, я объясню правила. Ничего сложного... — говорит мне Леша, но я с трудом могу его расслышать из-за стука сердца, грохочущего в ушах.

— Не старайся, малой, покер — не женская игра. Зачем мучить девчонок? Я же не садист, — говорит Мнац, проходя мимо.

Леша ведет меня через кучки ребят и подталкивает к круглому столу, поверхность которого обтянута зеленой тканью. С опаской поднимаю голову: высокий темноволосый парень в темно-синем спортивном костюме галантно отодвигает стул для своей подруги. Его губы растянуты в легкой улыбке, движения спокойные и уверенные, словно он здесь хозяин, а остальные лишь заглянули в гости на часок. Получаю тычок в плечо от брата и занимаю место напротив русоволосой симпатичной девушки, изящно сложившей кисти рук поверх игрального стола. Мнац недовольно хмурит густые брови и смотрит на Лешу:

— Что-то ты не слишком ласков со своей подругой.

— Это моя сестра, — с колючим пренебрежением отвечает Леша.

— Не имеет значения, — холодно отсекает Мнац.

Он ненадолго ловит мой взгляд и медленно наклоняется к своей подруге, чтобы нежно поцеловать ее в щеку. Проводит ладонью по плечу, цепляет пальцами подбородок и оставляет поцелуй на ее пухлых губах. Девушка зачарованно всматривается в его ли-

цо, еще немного, и кажется, она замурчит. Поспешно опускаю голову, смутившись, и впиваюсь пальцами в дрожащие колени. Что я вообще здесь делаю?

— Если не в покер, то во что они будут играть? Не в дурака же, — натужно смеется Леша, плохо скрывая нервное напряжение.

— В двадцать одно, просто и понятно. Сестренка, ты правила знаешь? — небрежно обращается ко мне Мнац.

Качаю головой, мечтая, чтобы толстовка превратилась как минимум в скафандр. Не могу сказать, что ощущаю открытую угрозу от этого парня, но в нем есть что-то такое... от чего хочется бежать и не оглядываться.

— Не страшно, я объясню, — нарочито ласково говорит он. — Все карты в колоде имеют определенный номинал, каждая из вас получит по две карты в первой раздаче. Леша, найди таблицу в Гугле и положи на стол, — командует Мнац и снова возвращается к разъяснению правил, не сводя с меня глаз. — Ваша задача собрать двадцать одно или максимально близкое к нему количество очков. Если больше, это мгновенный проигрыш. Можно просить дополнительные карты до тех пор, пока не превысите лимит или сами не захотите остановиться. Когда оба игрока заканчивают сбор карт, они вскрываются, и определяется победитель. Ничего сложного, верно?

Мнац дружелюбно улыбается, и я едва заметно киваю, ощутив сковывающий спазм в мышцах шеи. Леша кладет передо мной телефон, и я внимательно смотрю на таблицу. Валет — два очка, дама — три, король — четыре, туз — одиннадцать, остальные столько же, сколько и написано на самой карте. Вроде бы и правда несложно, при других обстоятельствах это

могло быть даже весело, но давящие взгляды окружающих и гневное дыхание брата у виска не дают забыть, где я и с кем.

— Готовы? — с дразнящим азартом спрашивает Мнац, массируя шею своей девушки, будто собирается выпустить ее на ринг.

Она льнет к его груди и закидывает руку назад, проводя длинными острыми ногтями по торсу:

— Всегда готова. Ты же знаешь.

— Мешай карты, малой, а то еще скажешь, что я их подтасовал, — бросает Мнац, увлекаясь любовной игрой.

Верно, для них это всего лишь игра. Заброшка, партия, все вокруг! Они веселятся, только вот меня никто не спросил, хочу ли я в этом участвовать. Нужно было забить на все и остаться дома. Леша ударяет рукой о спинку моего стула, и я вздрагиваю, вжимая голову в плечи.

— Только попробуй проиграть, — рычит он мне в ухо.

Получаю первые две карты: четверка бубен и пятерка червей. Негусто. Итого — девять очков. Поднимаю голову, девушка передо мной довольно улыбается, опуская свою пару на стол рубашкой вверх, и смотрит мне в глаза, ударяя мощной волной уверенности.

— Еще, — тихо произношу я.

Леша снимает верхнюю карту с колоды и двигает ее по столу, удерживая указательным пальцем. Осторожно поднимаю ее, и... Туз пик! Сердце крутит тройное сальто, и я плотно смыкаю губы. Двадцать очков! Не может быть! Неужели мне сегодня повезет впервые в жизни? Это будет лучший подарок от судьбы, большего ничего и не надо. Мы с Лешей сможем спокойно вернуться домой, а потом я лягу спать и забуду

об этом вечере. И никогда... никогда больше не приду сюда, даже под страхом смерти!

— Пас, — мелодично произносит подруга Мнаца.

— Пас, — приглушенно повторяю я и замираю в ожидании триумфа.

— А мне нравится ваша игра, — смеется Мнац, не убирая рук с плеч моей соперницы. — Вскрывайтесь, девчонки!

В затылок нервно дышит Леша, переворачиваю карты и опускаю их на середину стола.

— Двадцать очков! Это круто! Очень! — Голос Мнаца не выдает ни разочарования, ни злости, и это вводит в замешательство.

Возможно, долг для него не имеет такого уж большого значения. Значит, все закончилось? С облегчением выдыхаю, Леша ободряюще сжимает мое плечо.

— Круто, но не так, как золотое очко, — довольно произносит соперница и накрывает три моих карты двумя красными тузами.

Жар ударяет по лицу, а после сменяется болезненным холодом. Пальцы брата вонзаются в кожу, и я с трудом сдерживаю писк. Неужели я... проиграла? Девушка поднимается со стула и тут же запрыгивает на руки к Мнацу, обхватив ногами его бедра. Победительница получает серию страстных и откровенных поцелуев, а я еще одну жесткую встряску от брата.

— Давай еще раз! — вопит Лешка. — Еще раз!

Мнац опускает свою девушку на пол и выходит вперед, угрожающе глядя на Лешу:

— Так, малой... Ты решил меня выбесить сегодня? Игра была ва-банк, все честно. Гони бабки и проваливай.

— Но это ведь она проиграла! Требуй с нее! А хочешь, ее и забирай!

Уменьшаюсь до размера пылинки, ощущая, как свет удачи гаснет для меня навсегда.

— Что ты несешь? — ядовито спрашивает Мнац.

— Ну а что? Я ведь тебя знаю, есть одна девчонка, а станет две. Она сделает все, что скажешь. Правда ведь? — Леша сжимает мою шею, силой заставляя кивнуть. — Ну как? Договорились?

Мнац наклоняется к лицу брата и высекает сквозь сжатые зубы:

— Ты че думаешь, мне тут девок не хватает?

— А теперь на одну больше, разве плохой исход?

В носу щиплет от слез, страх, точно злокачественная опухоль, поражает каждую клетку организма, лишая возможности пошевелить даже пальцем. Мнац переводит взгляд на меня, и его лицо приобретает холодную бледность. Голубые пронзительные глаза леденеют, темные густые волосы, кажется, покрываются тусклым налетом изморози. Такие парни по определению должны быть мерзавцами, природа создает их, чтобы разбивать сердца и творить страшные вещи. Если он сейчас согласится, то я могу попрощаться с последней надеждой на светлое будущее.

Первая слеза срывается с моих ресниц, взлетает кулак. Все происходит так стремительно, что я не сразу могу сориентироваться. Леша падает на пол, а Мнац набрасывается на него со звериной яростью, принимаясь наносить удар за ударом. Люди в помещении замолкают, беспомощно оглядываюсь по сторонам, но никто не собирается вмешиваться. Друзья Леши стоят у противоположной стены с банками в руках, на их лицах презрительные ухмылки. Хрипы и зву-

ки борьбы гремят в ушах, и я вскакиваю со стула, инстинктивно бросаюсь в потасовку:

— Нет! Пожалуйста, не надо! Остановись!

Падаю на колени рядом с братом, пытаюсь поймать смертоносные руки Мнаца, которые работают точно молоты. Капюшон слетает с головы, получаю пару касательных ударов по плечу, но продолжаю умолять:

— Прошу тебя! Не надо!

Мне удается обхватить правую руку слетевшего с катушек парня и крепко прижать ее к себе. С ужасом гляжу на Лешу: из его носа течет кровь, шея расслаблена, голова обессилено склонена вбок.

— Он дышит? — хрипло спрашиваю я.

— Твое счастье, если нет, — отрезает Мнац, вырывая руку.

В его словах столько яда, что я чувствую горечь во рту. Взгляд острый, каждая мышца на лице напряжена и искажена ненавистью.

— Он мой брат.

— Брат? — с отвращением хмыкает Мнац. — Он тебя чуть не продал только что, а ты бросилась его защищать?!

— Не имеет значения. — В моем голосе неожиданно рождается твердость, как яркая вспышка, которая мгновенно исчезает без следа.

Подбородок дрожит, зубы стучат. Мнац поворачивается и несколько секунд смотрит мне в глаза, словно размышляет о чем-то важном, а после, наконец, спрашивает:

— В больницу или домой?

— Что? — Я удивленно хлопаю мокрыми ресницами.

— Куда его везти? Лучше в больницу, кажется, я сломал ему нос.

Эта ночь наверняка станет самой страшной в моей жизни, потому что я прошла лишь половину ада, вторая ждет впереди. Не важно, куда мы поедем, родители Лешки все равно узнают, и я даже не представляю, что они сделают со мной после этого. Перевожу взгляд на Лешку, когда-то этот мальчик улыбался мне и таскал конфеты в комнату втайне от взрослых. Мы смеялись над его широкой щербинкой между двумя передними зубами и моей длинной шеей, сравнивали наш рост, мерялись силой бросков, кидая камни в реку. Лешка все кричал, что совсем скоро он станет высоким и сильным, но стал он только высоким. Вытираю слезы — сейчас не время. Не здесь. Не при них.

— В больницу, — отвечаю я.

Держу голову брата на коленях и молюсь, чтобы мы не причинили ему еще больше вреда, пока укладывали в машину. Мнац сидит за рулем, справа от него еще один крепкий парень, хранящий гробовое молчание. В тишине время тянется беспощадно долго, и только растущее на горизонте здание городской больницы позволит немного успокоиться. Парни доносят Лешу до крыльца приемного покоя и опускают на пыльную плитку. В растерянности развожу руками, не зная, что сказать. Поблагодарить или разругаться? Вроде бы помощь, а с другой стороны, именно из-за Мнаца мы здесь, ну и глупости Лешки тоже.

— Про нас ни слова, — приказывает Мнац, брезгливо вытирая руки о спортивные штаны. — Напали хулиганы. Ты их не знаешь и не запомнила.

Киваю, словно под гипнозом. Это даже не будет ложью, передо мной правда хулиганы, и я их не знаю. Вспоминаю, с чего все началось, и сажусь на корточки, чтобы вытащить из кармана брата деньги. Под-

нимаюсь и протягиваю пачку уже помятых купюр Мнацу.

— Оставь. Возможно, придется приплатить врачам, — отвечает он и бросает короткий уничижительный взгляд в сторону Леши. — Считай, долг он вернул, а ты...

Мнац замолкает и поворачивается ко мне спиной, так и не закончив фразу. Парни уходят быстро, будто их и не было вовсе. Остаюсь одна, ночной ветер бьет растрепанными волосами по лицу, и они прилипают к мокрым от слез щекам. Делаю глубокий вдох и захожу в здание больницы, чтобы привести помощь, прекрасно понимая, что мне уже точно никто не поможет.

— Это все ты! Ты, маленькая дрянь! — кричит дядя Слава, расхаживая передо мной в гостиной.

Его обвисшие морщинистые щеки, покрытые темной щетиной, трясутся от негодования, от топота грузных ног, кажется, дрожат даже стены. Тетя Рита обреченно вздыхает, сжимая в костлявых руках телефон в ожидании звонка от доктора. Нам не разрешили остаться в больнице. Отправили домой, заверив, что с Лешей все будет в порядке, и обещали позвонить, когда к нему можно будет приехать.

— Нужно было под замок тебя посадить! Ты как она! Точно! Одна угробила моего брата, а вторая решила угробить сына!

Никак не могу успокоиться, крупные капли стекают по подбородку и шее. Я даже не подозревала, что во мне столько воды.

— Я все объясню, — выдавливаю робко.

— Объяснишь? Что тут объяснять?! Что?! — надрывается дядя, кидая в меня деньгами, которые они забрали еще в больнице. — Что ты украла деньги

и хотела сбежать? Что Леша пытался остановить тебя, а твои дружки-отморозки его избили? Я не тупой, и так все знаю! Это была последняя капля, Алена... последняя...

— Нет! Все не так! — рыдаю я, подаваясь вперед, но грозный взгляд дяди заставляет замереть не месте.

— Замолчи! Никакого колледжа! Никаких карманных денег! Ты едешь к «Волкам», там тебе самое место. Может, они сделают из тебя человека, потому что я... я больше не могу это терпеть.

Чувствую, как кровь пузырится в венах, закипает и обжигает изнутри. Вскикиваю на ноги, вонзая ногти в ладони:

— Нет! Мне восемнадцать! Я могу...

— Ничего ты не можешь! — перебивает дядя. — Ничего! Поняла?! Ты будешь делать то, что я скажу! Я обещал воспитать тебя и воспитаю. Думаешь, раз ты девка, то все будут ползать перед тобой на коленях? Думаешь, поманила пальцем, и весь мир у твоих ног? Сейчас я покажу тебе... Рита! Где машинка для волос?!

— Что? — В панике оглядываюсь на тетю с призрачной надеждой, что в этот раз она проявит хоть каплю сочувствия.

— В ванной, — безучастно отмахивается тетя Рита, не отрываясь от телефона.

Дядя Слава пухлыми грубыми пальцами хватает меня за руку и тащит на второй этаж. Силы для борьбы заканчиваются на середине лестницы, уступая место опустошенному смирению. Громко хлопает дверь в ванную комнату, упираюсь коленями в холодную плитку и слышу ужасный рев машинки для стрижки.

— Я тебя перевоспитаю. Перевоспитаю, — приговаривает дядя, стягивая резинку с моих волос.

Глава 2

POV: Мнац

— Так и будешь молчать? — нарушает тишину Рома.

Переключаю скорость и сворачиваю на грунтовую дорогу, что ведет к задним воротам заброшки. Из-под колес вылетают камни, машину трясет, как и меня самого от злости.

— Мнац, ты чуть не прибил пацана!

«*Лучше бы прибил*», — звучит в мыслях яростное рычание.

— Крис там вообще на измене, — не останавливается Рома. — А остальные...

— Ты так кипишуешь, словно никто из них разборок не видел, — усмехаюсь я, выжимая тормоз. — С малым все будет нормально, я всего лишь сломал ему нос, а не шею. Если он не научится вести себя, как здоровый пацан, то его научит жизнь, и в больницу уже никто не отвезет.

— Мнац, я тебя столько лет знаю, и до сих пор не перестаю удивляться, какой же ты все-таки...

Поворачиваюсь к лучшему другу и с безумством распахиваю глаза шире. Он смеется, качая головой, и открывает дверь, так и не договорив.

Мы с Ромой ходили в один детский сад, делили игрушки и бросали друг в друга песком. Позже ста-

ли одноклассниками, впервые попробовали алкоголь в старом дедушкином гараже, смотрели фильмы про Бэтмена и тащились от Джокера. Мы выросли вместе, но это не значит, что он по-настоящему меня знает.

— Давай нажремся, что ли? — предлагаю я, ощутив острую потребность переключиться.

Рома пихает меня в плечо и выпрыгивает из машины:

— Идем, психованный.

Выбираюсь следом, захлопываю дверь и прячу связку ключей в карман. Содранные воспаленные костяшки на кулаках горят и пульсируют, ярость кипящей волной поднимается из груди к горлу.

— Ты кого психом назвал, а?! — с шуточным вызовом кричу я, оборачиваясь к другу. — Бессмертный?!

— Тебя! Кого же еще?! — смеется Рома, поднимая кулаки к лицу, и покачивается из стороны в сторону, копируя своего любимого Флойда Мейвезера¹.

Склоняю голову, прищуриваясь, и шагаю вперед:

— Зря мы от больницы так далеко отъехали.

Цепляемся с Ромой в дружеской схватке, пытаюсь повалить друг друга на землю. Больше смеемся, чем боремся, силы почти равны, но в какой-то момент Рома вдруг становится жутко серьезным.

— Что на тебя нашло, Мнац? Может быть, я чего-то не понимаю, но... повода ведь не было. Послал бы его, и все. Зачем морду бить-то из-за какой-то незнакомой цыпы?

---

¹ Флóйд Мéйвезер-младший — непобежденный американский боксер, выступавший в полусредней весовой категории (*Прим. автора*).

Отвожу взгляд, тяжело дыша. Меня не часто замечали в драках, я прекрасно умею решать вопросы и без кулаков, но иногда слов недостаточно. Только один человек видел меня в подобном состоянии, и он уже точно не сможет никому об этом рассказать. Малому еще повезло, что сестрица вступилась, вряд ли бы я остановился. Вспоминаю перепуганные глаза девчонки, эту уродскую смиренность и ужас на ее лице. Она ведь даже не пыталась возразить ему. И слова не сказала! Ее образ смешивается с другим, далеким и светлым. Желание выпить клокочет и вибрирует в венах. Нужно чем-то потушить это пламя.

— Хороший лидер иногда устраивает показательные казни, — говорю я. — «Волков» считают отмороженками, но это не отменяет того, что у нас должны быть принципы и хоть какие-то правила.

— Да? Тогда пойд и объясни это своим подданным, *король «Волков»*, — едко произносит Рома и отталкивает меня, ударив в грудь.

Он разворачивается и шагает к воротам. Тихо вздыхаю и двигаюсь следом, засовывая руки в карманы:

— Я думал, это твоя работа.

— Прикрывать твою задницу?

— Готовиться принять этот пост.

— Вы все-таки уезжаете? — спрашивает Рома, замедляя шаг.

— Да.

Он бросает на меня колючий взгляд и больше не произносит ни слова. Пересекаем поле по протоптанной тропинке, из здания впереди доносятся смех и звуки музыки, рассеивающиеся в летней прохладной ночи. Ну вот, а Рома говорил, что все на панике. Сейчас уже, наверное, никто и не помнит о том,

что случилось час назад. Заходим в старую постройку, взгляды присутствующих прилипают ко мне. А может, и помнят. Останавливаюсь и распрямляю плечи, обводя ребят взглядом. Приподнимаю уголки губ и громко произношу:

— Батя в здании, народ! Всем расслабиться, проблем нет!

Близкие пацаны салютуют мне жестяными банками и пластиковыми стаканами, остальные молча возвращаются к игре в карты или разговорам. Вряд ли кто-то из них переживал за здоровье малого, скорее из-за возможной стычки с полицией. Нас и так ненавидят, лишние проблемы ни к чему. И, пока я здесь, их точно не будет.

Ловкая теплая ладошка нежно опускается на мой живот, в плечо упирается мягкая грудь. Нос улавливает тонкий сладкий аромат, к которому я еще не привык, но уже запомнил. В этот раз Крис совсем другая, и дело не только в марке духов. Она меняется после каждого нашего расставания, словно примеряет новые образы и маски, и так даже интереснее. Я будто не возвращаюсь к бывшей, а нахожу новую.

— Поищу что-нибудь выпить, — говорит Рома, оставляя меня в плену Крис.

— Все хорошо? — спрашивает она, запрокидывая голову.

Поворачиваюсь и заглядываю в ее обеспокоенные зелено-карие глаза в обрамлении щедро накрашенных ресниц. Недавно подстриженная челка, разделенная прямым пробором, касается ее румяных щек.

— Теперь да, — отвечаю я и целую ее мягкие податливые губы.

Эта версия нежной и беспроблемной Крис нравится мне больше всех предыдущих. Возможно, мы даже

продержимся до конца нового учебного года, но это не точно.

— Ты всех напугал.

— Знаю, так было нужно, — произношу уверенно и вижу на ее лице безропотное понимание.

— Да, этот парень настоящий кретин. Предлагать тебе...

— Давай не будем об этом.

— Конечно, — улыбается она, сощурившись, и смотрит в сторону. — Идем, кажется, Рома отжал у кого-то бутылку виски.

— Поэтому мы с ним и дружим, — устало вздыхаю я.

Крис громко хохочет, словно услышала потрясающе веселую шутку. Может, я погорячился, сделав вывод об ее удачном апгрейде?

Даже лошадиная доза алкоголя и сумасшедший секс не спасают от бессонницы. Мысли не дают покоя, в голове кружит стая кричащих птиц, потерявших направление привычного маршрута. Четвертая сигарета совершенно пустая на вкус, но я поджигаю пятую, чтобы хоть чем-то себя занять. Шлепки босых ног, доносящиеся из прихожей, заставляют тяжело вздохнуть. Предвкушаю долгий и нудный разговор в стиле Крис первой версии, но она тихо входит в кухню и садится за стол, не зажигая свет.

— Не спится? — спрашивает она нежным шепотом.

— Ага, — отвечаю я, упираясь затылком в подголовник кресла.

— Хочешь, я поеду домой?

Ее примерность пропитана фальшью, и все же мне льстит то, как она старается. А еще мне нравится смо-

треть на красивую обнаженную девушку, гуляющую по квартире.

— Нет, — отвечаю я и тушу сигарету в потрескавшемся блюде, что стоит на краю стола. — Лучше иди сюда.

Крис медленно встает, позволяя рассмотреть каждый изгиб ее соблазнительного тела. Она обходит стол и забирается ко мне на колени. Провожу ладонями вниз по ее спине, Крис крепко обнимает меня в ответ и прижимается щекой к макушке. Ее тепло согревает, но этого все еще недостаточно. Спичка не может стать факелом. Пусть Крис ведет себя по-другому, она все та же, да и я не менялся. Сколько еще мы будем обманывать друг друга?

— Как она? — шепчет Крис, зарываясь пальцами в волосы на моем затылке, и массирует кожу, легонько царапая ее кончиками острых ногтей.

Сердце сжимается от болезненного напоминания, и я возвращаю Кристине эти ощущения, стискивая кожу на ее бедрах:

— Ничего нового.

— Дань...

— Не называй меня так, — резко обрываю я.

— Нас ведь никто не слышит.

— Я слышу, — мой голос тверд, мысли полны ожиданий.

Может быть, сейчас все изменится. Может быть, она поймет наконец, что к чему.

— Это твое имя! Почему я не могу?! — Крис повышает голос, но резко замолкает, теснее прижимаясь ко мне и глубоко вдыхая. — Извини, занесло.

Беззвучно усмехаюсь, опуская веки. Как я и думал, прогресса нет. Несколько минут в равнодушном без-

молвии утягивают в темную пустоту, но, к сожалению, Крис не может долго сохранять тишину.

— Что ты собираешься делать после колледжа? У нас ведь последний год.

— Не знаю. Еще не решил, — с легкостью лгу я.

— Понятно.

Стая птиц в голове замедляется, но только чтобы через секунду закружиться с новой силой. Последний год. Смогу ли я сделать еще хоть что-то? Пусть немного, но изменить этот гребаный мир. Получится ли вытащить еще одну заблудшую?

— Крис, иди ложись.

— Ладно. — Она оставляет поцелуй на моем виске, ласково прижимаясь губами к коже. — Я люблю тебя.

Ответа нет. Его никогда не было. Руки сами знают, что делать. Я изучил ее тело вдоль и поперек, каждую его часть. Без особых усилий завожу Крис, скользя пальцами между ее бедер и целуя нежную кожу на шее.

— Жду тебя в постели, — произносит она с придыханием и сползает с моих колен.

— Скоро приду.

Она уходит, изящно покачивая бедрами, словно ничего не произошло и не было сказано этих идиотских слов. Крис — мой самый первый и не совсем удачный эксперимент. Я думал, что смогу ей помочь, но допустил несколько непростительных ошибок. Именно поэтому она все еще рядом со мной. Все еще верит в то, что у нас может что-то получиться.

Достаю из пачки еще одну сигарету и запрокидываю голову, чиркая зажигалкой перед лицом. Дым наполняет легкие с первым вдохом и рассеивается

